

женился на бывшей актрисе и куртизанке, Прокопий признает, что «никто из сенаторов, видя такой позор, которым покрывалось государство, не решился высказать свое порицание и воспротивиться этому; все готовы были хоть сейчас поклоняться Феодоре, как божеству»⁵³.

Прокопий осуждает рабское пресмыкательство сенаторов и других сановников перед Юстинианом и особенно перед Феодорой, хотя и сам, видимо, не раз грешил этим. «Способность суждения, — пишет он, — даже у первых лиц в государстве была подобна той, какая бывает у людей, насмерть перепуганных: пораженные рабским страхом перед одним человеком, они и мыслили в этом направлении»⁵⁴.

Картина раболепия высшей знати в приемной Феодоры потрясает своей жизненностью⁵⁵. «Таким образом, — завершает свой рассказ Прокопий, — вся политическая жизнь обратилась в сплошное холопство, а она была надсмотрщицей и дрессировщицей этих рабов»⁵⁶.

Прокопий резко выступает против тирании — конечно, такой, которая задевает интересы знати. Так, в знаменитом предисловии к «Тайной истории» он пишет: «Ведь большинство властителей — люди малообразованные, легко и охотно подражают всему дурному, что было у их предшественников, и без труда, не задумываясь, склоняются к порокам и преступлениям прошлых веков»⁵⁷. Сознвая, что тиранический режим Юстиниана привел к упадку былых доблестей римской аристократии, не способной свергнуть тирана, Прокопий ищет идеал политического устройства в далеком прошлом⁵⁸.

Он особо подчеркивает, что честных граждан Юстиниан считал людьми старого уклада, не призывая их на государственную службу. Они были у него всегда в немилости⁵⁹.

Прокопий не верит в существование политических разногласий между Юстинианом и Феодорой и считает, что они всегда действовали заодно, стремясь расколоть своих противников. «И вот всегда, — пишет Прокопий, — при помощи таких махинаций на основе взаимной договоренности, наружно показывая вид несогласий, они могли держать разобщенными своих подданных и тем свою тиранию делать наиболее прочной»⁶⁰.

Консерватизм Прокопия тесно переплетается со своеобразным римским патриотизмом. Он всегда мыслит себя прежде всего гражданином мировой Римской державы. Все человечество византийский историк делит на римлян (ромеев) — носителей высокой древней культуры и государственности — и на варваров. Прокопий не закрывает глаза на огромные перемены, происшедшие в современном ему мире. Он ясно видит, что римляне все больше и больше теряют былое господство, что они сами способствуют отпадению покоренных народов своей неразумной грабительской политикой⁶¹. Прокопий хорошо сознает, что силы варваров возрастают, а напор их на империю делается все более грозным. И тем не менее, видя грандиозное столкновение двух миров — римского и варварского, Прокопий полон самоуверенной надежды на полную победу империи.

⁵³ *Proc. N. a.*, X, 6.

⁵⁴ *Ibid.*, VII, 32.

⁵⁵ *Ibid.*, XV, 13—15.

⁵⁶ *Ibid.*, XV, 16.

⁵⁷ *Ibid.*, I, 7.

⁵⁸ Прокопий оплакивает упадок древних римских учреждений и законов. Римские полководцы на западе Бонифаций и Боэций для него — последние римляне, воплотившие в себе все добродетели прежних римлян (*Proc. B. V.*, I, 3, 28—30). Он упрекает Юстиниана за то, что он не обладал ничем свойственным древнему званию императора и по языку, внешнему виду и образу жизни уподоблялся варварам (*Proc. N. a.*, XIV, 2).

⁵⁹ *Proc. N. a.*, XIII, 25.

⁶⁰ *Ibid.*, X, 23.

⁶¹ *Proc. B. G.*, I, 5. 17; II, 20. 13—33; III, 1. 23—24; 33; *Proc. N. a.*, XXIV, 9.